

БИТВА ЗА ЛУКОМОРЬЕ I

РОМАН ПАПСУЕВ

ВЕРА КАМША

ТАТЬЯНА АНДРУЩЕНКО

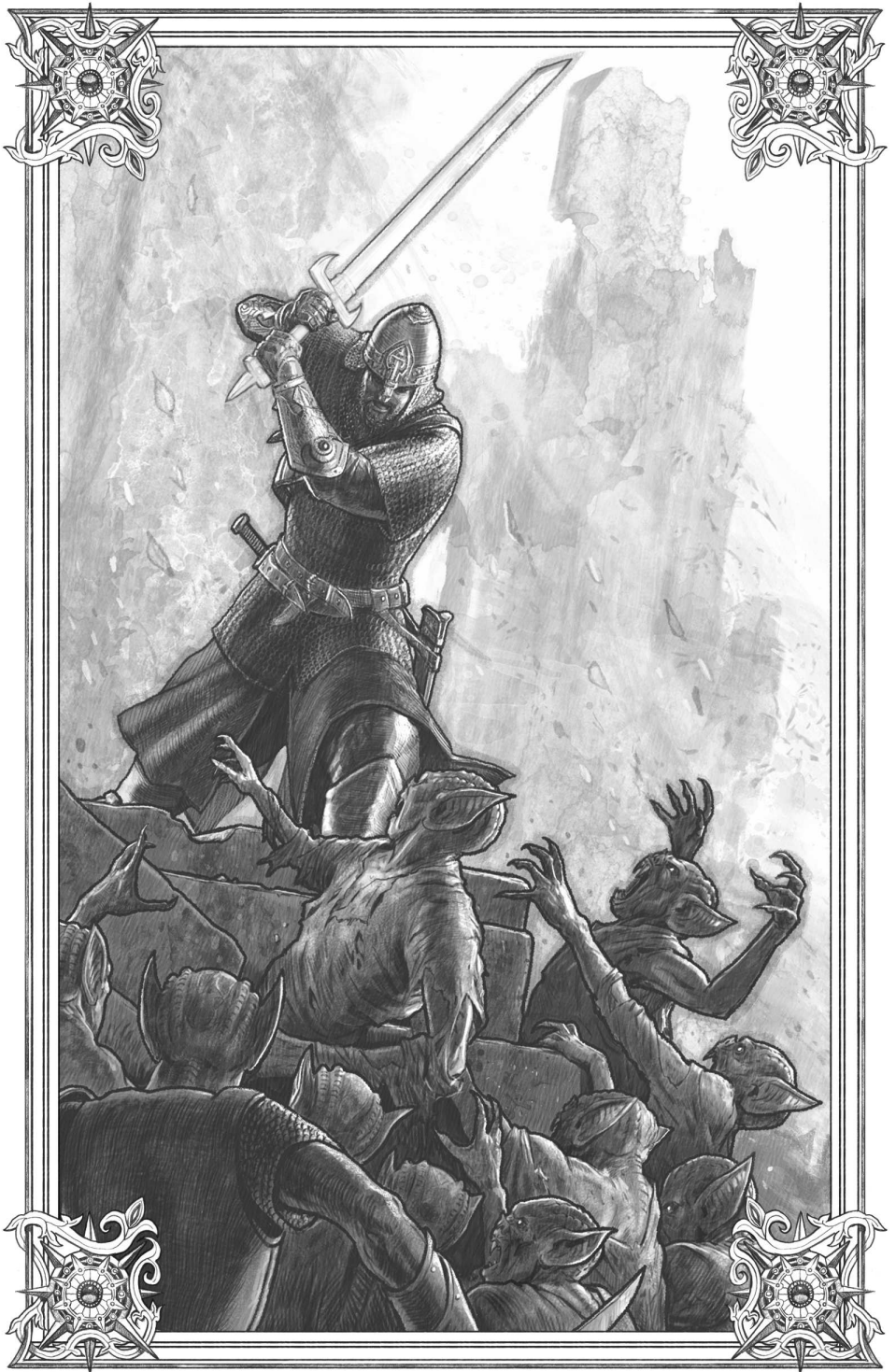
АЛЕКСАНДРА ЗЛОТНИЦКАЯ

ЕЛЕНА ТОЛОКОННИКОВА

МОСКВА
2021

НОВЫЕ
Сказки
Старой Руси®
ПРОЕКТ РОМАНА ПАПСУЕВА

БИТВА ЗА ЛУКОМОРЕС I

РОМАН ПАПСУЕВ

ВЕРА КАМША

ТАТЬЯНА АНДРУЩЕНКО

АЛЕКСАНДРА ЗЛОТНИЦКАЯ

ЕЛЕНА ТОЛОКОННИКОВА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
Б66

Рисунки *Романа Папсуева*
Литературный редактор *Вера Камша*

Битва за Лукоморье. Книга I / Роман Папсуев, Вера Камша,
Б66 и др. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Новые сказки Старой
Руси).

ISBN 978-5-04-118413-1

Могуче и необъятно Мировое Древо Карколист. Великое разнообразие миров, больших и малых, темных и светлых, вплетено в его ветви.

И один из них — Белосветье. Срединный и древний мир, полный дивных чудес.

Раскинулась в нем привольно земля богатая — Славия, посреди нее — великая Русь, а вокруг — царства-королевства Золотой Цепи, именуемые в народе тридевятьями.

Да вот беда — сгущаются над мирной и благополучной Славией тучи, собирается в темных лесах кровожадная нечисть, а коварный враг уже замыслил войну...

Уникальный проект «Сказки Старой Руси», созданный в 2015 году художником и писателем Романом Папсуевым, основан на славянском фольклоре, русских народных сказках и былинном эпосе. Знакомые с детства герои перемещены в авторскую фэнтези-вселенную, где их ждет немало подвигов и приключений. Яркий, самобытный мир, родные и при этом новые образы — такого вы еще не видели!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118413-1

© Папсуев Р.В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Долг 7

Охота на Охотника 21

Милость владыки 74

Премудрые дела 83

Синий камень в рукояти 137

Хлопот полон рот 182

Сила есть, ума не надо? 193

Пять десятков и еще двое 215

Зверь 223

Чужая сторона 282

Дар Иномирья 289

Худовы вести 324

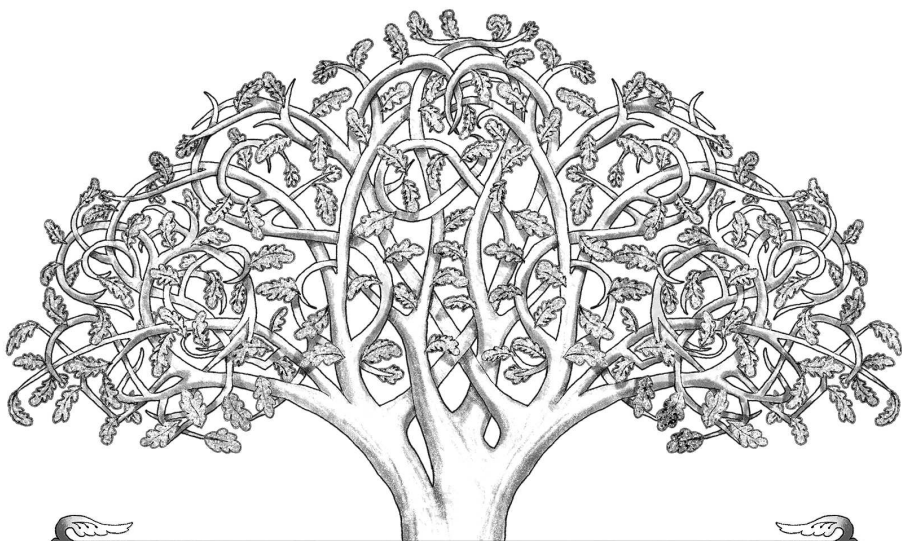
Дивный новый день 331

Дополнительные материалы 389

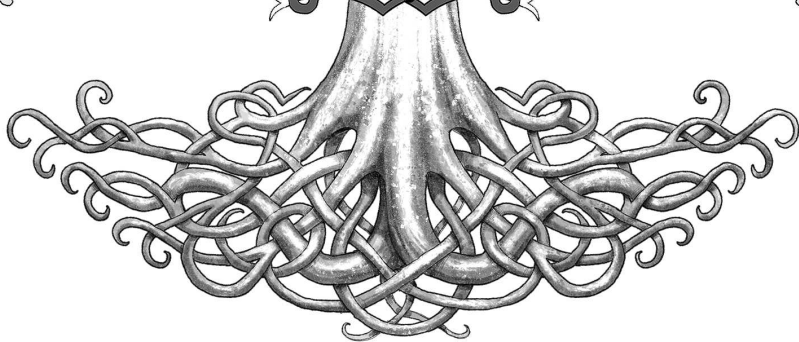
Карты 390

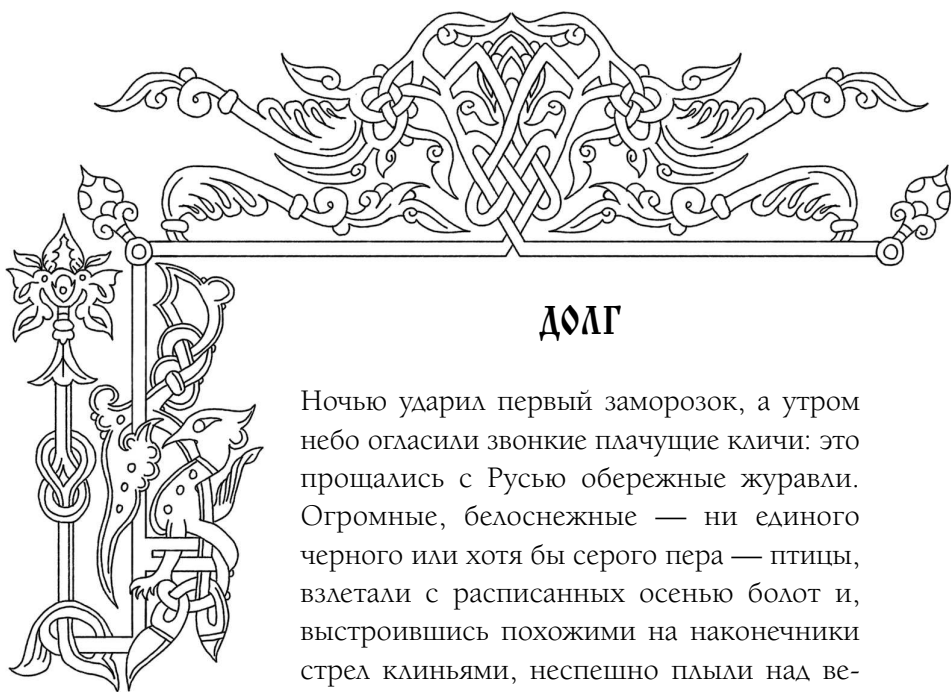
Краткий словарь 394

**СКАЗКА ОТ НАЧАЛА НАЧИНАЕТСЯ,
ДО КОНЦА ЧИТАЕТСЯ, В СЕРЕДКЕ
НЕ ПЕРЕБИВАЕТСЯ**

ДОЛГ

Ночью ударил первый заморозок, а утром небо огласили звонкие плачущие кличи: это прощались с Русью обережные журавли. Огромные, белоснежные — ни единого черного или хотя бы серого пера — птицы, взлетали с расписанных осенью болот и, выстроившись похожими на наконечники стрел клиньями, неспешно плыли над вековыми лесами, полноводными медленными реками и убранными полями. Люди, заслышав журавлиный плач, отрывались от дел и поднимали взгляд к небесам, желая крылатым путникам сытной зимовки в южных землях и счастливого возвращения по весне. Знающие люди говорят, что обережные журавли несут на своих крыльях тепло... и еще они издали чувят черное зло.

Вожак пролетавшего над Гребневым лесом клина, тревожно и коротко крикнув, стал стремительно набирать высоту, одновременно сворачивая с не менявшегося сотни лет пути. Окажись сейчас внизу кто-нибудь знающий и глазастый, он бы тоже поспешил прочь, уходя от неведомого лиха, но следить за встревоженными журавлями было некому. Как и слушать, как кто-то огромный пробивался сквозь чашу — был он невидим, тяжел и быстр, куда быстрее медведей и вепрей, извечных обитателей здешней глухомани. Ох, недаром люди обходили Гребнев лес стороной. Обычные люди... только воинский человек идет, куда пошлют, а знахарь — куда велит долг.

* * *

...Они рухнули одновременно — колдун-злонрав, чьего имени так и не узнали, и знахарь Вежин, но колдун больше не поднялся. Заклятие Вежина, пусть и очень простое, сделало свое дело: отвлекло приспешника Тьмы от ратников, которые не растерялись и не ошиблись. Честной булат пронзил полное вражьей злобы тело, и бой на поляне завершился победой русичей.

Вежин заставил себя разлепить глаза и, опершись о покрытую мягким мхом землю, кое-как уселся. Трое его спутников стояли над убитым и что-то громко и оживленно обсуждали; чуть охрипшие голоса ратников били по раскальвающейся от боли голове, точно кузнечные молоты. Понять, о чем речь, у знахаря не выходило, а лесная поляна с недостроенной избой, нечистым покойником и его победителями медленно кружилась, при этом умудряясь еще и мерцать. Вежин с силой сжал виски руками, и кружение замедлилось, но и не прекратилось... а лежавшая на краю поляны холщовая сумка с зельями казалась недосягаемой, как Ирий.

— Ты чего это, Вежин? — будто камнем из пращи врезалось в горемычную голову. — Никак ранен?!

— Н-нет, — промывчал знахарь в опушенное короткой юной бородкой жизнерадостное лицо. Дрожащее, будто речное отражение в ветреный день. — Н-не ранен...

— Да у тебя лицо всё в крови! — не отставал ратник.

Знахарь вытер лоб и поднес к глазам ладонь. В самом деле, мокрая и красная, будто кожу содрали.

— Это из пор... сочится. Надорвался я малехо, Малобуд.

— Помочь чем? — Подошедший Твердыта, старший над воинами, тоже мог бы говорить потише.

— Сумку мою дайте, — попросил Вежин, — а так... надо мне полежать, подождать... Глядишь, само пройдет.

— Вот и лежи! — отрезал старшой. — Долг свой ты исполнил, можешь и отдохнуть. Если что, пару жердин вырубим, на плащах до твоего Совёлого дотащим. К слову, парни, а ну-ка давайте не сумку к нему, а его — к сумке! Пусть в теньке-прохладе в себя приходит.

Возразить Вежин не успел, да и сил не было. Малобуд со Жданом — ребята шустрые и своего старшего слушали беспрекословно. Ойкнувшего знахаря сграбастали будто какой куль и отволокли на самый край поляны. Прислонили к затесавшемуся меж густых кустов бересклета высокому пню, сунули под руку заветную сумку, а сами вернулись тарашиться на колдуна. Глазеть молодым ратникам было на что — тело поверженного врага съезжилось, усохло и покрылось тонкими складками сморщенной бледно-желтой кожи.

Вежин шмыгнул носом, сглотнул теплую соленую кровь и обтер руки сперва о зеленый пушистый мох, а затем о порты. Больше всего ему хотелось спать. Оно и понятно, сон восстанавливает силы, которых ушло немало: как ни крути, а засевший в чащобе злодей был много опытнее его, молодого знахаря из захоластного села. Никогда не искавший на свою голову приключений Вежин всё больше зубы заговаривал да заплутавших в лесах дурней искал, в бою раньше бывать не доводилось.

Не буди лихо, как говорят... да у лиха сон чуток. В последние годы на Руси нечисть обнагела, стала лютовать, по слухам, целые деревни изводила, а потому и нагрязнули в Совёлое витязи, прознав про злого чародея. По-умному, нужно было потаскать их по чащобе, наврать, что колдун морок навел и обычному знахарю его ну никак не сыскать. Посылайте, дескать, в Китеж-град за Охотниками, они тем и живут, что нечисть выискивают да истребляют... Только не умел Вежин ни врать, ни отказывать, вот и привел княжьих людей, куда те хотели, а потом еще и в драку ввязался. Хотя тут уж выбирать не приходилось: либо они врага кончают, либо он их.

Когда казавшийся чудовишно-огромным злонрав простер вперед руку, меж пальцами которой проскакивали синие искры, знахарь понял — это смерть. Сам толком не соображая, что творит, Вежин со всей силы шарaxнул по гаду «медвежьим страхом». Заклятие, которым покоен века отгоняют лезущих в овсы косолапых, навредить всерьез не могло, но громыхнуло неслабо, колдун отвлекся, а тут и Твердыта с парнями подоспели... Теперь, задним числом, Вежин понимал, что, с перепугу не рассчитав сил, чудом не прикончил сам себя, но сделанного не воротишь, да и обер-

нулось всё в итоге неплохо. Колдун мертв, витязи живы, сам он отлежится, а к завтрашнему вечеру, глядишь, и волшебба вернется.

Знахарь повозился, устраиваясь поудобнее, и, уверившись, что «само не пройдет», принялся дрожащими руками копаться в своей сумке. Собираясь утром в лес, Вежин вовремя вспомнил, что «береженого коня и зверь не берет», а потому чего только не набрал в дорогу! Запасливость его теперь и выручит: целебное зелье вернет опустошенному телу хотя бы часть потраченной силы. Отыскать бы только нужную скляницу среди всего этого лекарского добра! Запасливость, чтоб ее... И дрожь эта дурная... Может, на помощь кликнуть?

Вежин покосился на добрых молодцев, что со всем почтением внимали отдававшему очередные указания старшему. Кивнув, Малобуд шагнул было к так и недостроенной колдуном избе, но вдруг замер на месте, ткнув пальцем в сторону леса. Глянул туда и знахарь, да, видать, как-то неловко повернулся: виски славил, перед глазами замельтешили полупрозрачные черви, зато слух не подвел, и Вежин услышал, что с той стороны поляны доносится треск ломаемых сучьев и размеренный тяжкий топот.

Почти успокоившееся сердце бешено заколотилось, знахарь прижал руку к груди и, протерев горемычные глаза, вновь выглянул из-за кустов. С мечами на изготовку, перекинув вперед длинные щиты, ратники уже выстроились плечом к плечу; они явно чего-то ждали. Вежин мог видеть их спины, но не то, что надвигалось из леса — а оно надвигалось, причем быстро.

Кусты бруслины на дальнем конце поляны вздрогнули и раздвинулись, да только за ними никого не оказалось — упругие ветви разошлись сами собой, склонились в сторону избы, потрепетали, сбрасывая рыжие листочки, а потом резко выпрямились, будто кто-то невидимый сквозь них прошел. В пустоте раздался непонятный громкий храп — звук походил одновременно и на конское фырканье, и на рык большого хищного зверя.

Невидимками по своим владениям ходят лесовики¹, а с ними,

¹ Для лучшего понимания текста рекомендуем ознакомиться с кратким словарем в конце книги.

умеючи, договориться всегда можно. Вежин точно бы сумел, только в Гребневой чаше лесные духи не водились, да и чутье знахаря подсказывало — здесь что-то другое, холодное, как могила. Злое. Опасное. Надо бежать, но вычерпанный до дна заклятием знахарь бежать не мог, а воины и не хотели.

Странный звук повторился, что-то глухо стукнуло, и пронизанное солнцем ничто подернулось темной дымкой, поползло пятнами... Мгновение-два — и вот уже на поляне высился громадный вороной конь, необычный и жуткий. Глаза болотными огнями светились в глубоких глазницах, длинная грива ровной волной бежала вниз по могучей шее. Ноги, массивные и крепкие, бугрились мышцами; широкая грудь и крутые бока лоснились, как жиром смазанные, а на них паутиной проступали вздутые вены, по которым пробегали видимые даже сквозь шкуру призрачные огоньки.

Верхом на чудо-коне восседал всадник в черных, под стать своему скакуну, одеждах. Плащ ниспадал с широких плеч, глубокий капюшон скрывал лицо, а руки в перчатках с раструбами почти по локоть держали поводья небрежно и расслабленно. Неужто Охотник?! Услыхали в Китеже про колдуна, вот и прислали... Охотники, они ведь темное носят, да и на дивоконях, случается, ездят... Но нет, не могло от китежанина везть таким злом!

Вороной топнул копытом и оскалился, издав жуткий, не конский да, пожалуй, и не живой, хриплый звук, будто по камню железом проскрежетало. Всадник же спокойно рассматривал открывшуюся ему картину, не шевелясь и даже не пытаясь заговорить.

— Кто таков будешь? — властно спросил Твердыта, перехватывая поудобнее щит. — Назовись!

Вместо ответа незнакомец неторопливо спешился, забросив поводья к короткому тупому рогу на передней луке седла, и небрежно хлопнул коня по шее. Столь же неспешно он направился к ратникам. Полю его просторного и длинного плаща, доходящие почти до щиколоток, мерно качались из стороны в сторону — кажется, они были подбиты красным.

Полумертвый Вежин, нащупав под рубахой Знак защиты души, как мог тихо, лег, почти упал наземь, подтянув к себе драгоцен-

ный мешок. Сидящих смиренно погибель порой милует, да как бы, отсидевшись, на поживу совести не достаться.

— Выходит, — внезапно донеслось из-под капюшона, — припозднился я.

— Это смотря к чему, — голос старшего не сулил гостю ничего хорошего. — Ты что у колдовского логова забыл, чуженин? Дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Дело пытаться собирался. Оно под ногами у вас валяется.

Воины недоуменно глянули вниз. О чем это он? О мертвечке, что ль?

— Кривославом его звали, — подтвердил невысказанную догадку чужак, задумчиво разглядывая убитого. — Что ж, осталось разве что должок забрать... При нем нету, значит, в избе искать придется. Дайте-ка пройти.

— Экий ты шустрый, — хмуро попенял Твердята. — Подождешь.

— Могу и подождать, — равнодушно согласился незнакомец, — мне торопиться некуда.

Он и впрямь все делал неспешно. Неторопливо и слова произнес, и капюшон за спину отбросил. Ратники невольно отшатнулись, и было с чего.

Хищное лицо незнакомца казалось восковым. Длинные черные волосы, зачесанные назад, не скрывали проступавших под кожей ребристых выростов на лбу и скулах. На впалых щеках и безволосом остром подбородке красовались алые наколки в виде злых рун, а в правой ноздре поблескивала небольшая, украшенная самоцветом серьга. Темно-красные глаза смотрели холодно и безучастно.

— Упырь, что ли? — словно не веря своим глазам, пробормотал старший. — Они ж Отца-Солнца боятся!

Упырь поправил перчатки и почти добродушно произнес:

— Вот что, русичи. Мне с вами делить нечего. Ступайте своей дорогой, а я своей поеду... только должок заберу.

— Обойдешься, нечисть, — резко бросил Твердята. — И сам с этой поляны не уйдешь!

Ратники сомкнули щиты, а красноглазый едва заметно усмехнулся и потащил из скрытых под плащом ножен длинный меч.

Крутанул им, разминая запястье, и спокойно пошел по кругу, обходя противников. Час от часу не легче!

Пугающие рассказы о еретниках, непревзойденных упырях-мечниках, передавались из уст в уста много веков; ими страшили не только детей, но и молодых дружинников. С таким противником никакому знахарю не совладать, а вот воинам порой удавалось. Тут, главное, хотя бы раз зацепить, ведь булат нечисть ох как не любит! А были у княжьих витязей еще и броня, и щиты, и стать — по сравнению с рослыми воинами красноглазый выглядел хлипким.

Стояли ратники плечом к плечу, поэтому, когда упырь начал движение, стали поворачиваться за ним ладно, как единое целое, не упуская врага из виду. Того, впрочем, это ничуть не смутило.

— Откуда вы, витязи? — продолжая движение, лениво спросил упырь.

Левой рукой он тронул застежку у шеи, и длинный плащ скользнул на землю. На еретнике не оказалось никакой брони. Только плотный и приталенный длинный черный кафтан, покроем напоминавший халаты южан — с короткими рукавами и длинными, складчатыми полами, что никак не стесняли движения и в ногах не путались. Спереди кафтан украшали кожаные накладки с тускло-золотой вязью, а на груди он был застегнут встык золотыми крючками и дополнительно стянут тремя рядами ремешков. Высокий кроваво-красного цвета воротник выглядывал из-под плотного тканевого оплечья и наполовину скрывал неестественно длинную шею упыря. На широком алом поясе помимо ножен висело странное оружие, которое красноглазый, сняв, взял в левую руку.

Оружие оказалось короткой дубинкой — железной, чуть длиннее локтя¹ и украшенной искусными узорчатыми рельефами. Небольшой, но явно очень тяжелый набалдашник изображал скалящийся клыкастый череп.

¹ Локоть — единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. Примерно 50 см.

— Небось с заставы какой? — продолжал допытываться еретник. — Или из города?

— Нам с нечистью разговоры вести не след, — задорно выкрикнул стоявший справа от старшего Малобуда. — Проваливай в Чернояр, к своему хозяину, погань!

— У меня два хозяина, — уточнил упырь, будто сообщая нечто очень важное. — И оба не любят, когда их волю не исполняют.

Обнажив в ухмылке клыки, красноглазый на краткий миг прервал свое движение и указал дубинкой на Малобуда.

— Ваше счастье, что я не голоден. Подарю вам смерть быстро... а вот тела, пожалуй, сохраню. Пусть вы и не богатыри, отваги вам не занимать. Глядишь, угодлаки из вас недурные выйдут. Обучим.

— Щиты выше! — Твердята, как и положено, стоявший посередине, и впрямь не собиравший вести долгих разговоров с нечистью. Колдуна Кривослава первым достал именно он, может, и сейчас сдюжит?

Упырь, похоже, тоже решил, что сказал достаточно. Сделав резкое движение вправо-влево и заставив молодых ратников дернуться, он стремительно пошел вперед, держа темный меч перед собой. Пошел широко, будто перекатами, ловко расставляя ноги в высоких сапогах из мягкой кожи, качаясь из стороны в сторону, принуждая воинов гадать, куда же он шагнет в следующий миг.

Когда он приблизился достаточно, витязи разом двинулись навстречу, и Твердята сразу попробовал проткнуть нежить булатным мечом, ударив снизу вверх из-за щита. Старший из ратников понимал, что они наткнулись на страшного противника, но... не понимал, насколько страшного.

Вежину почудилось, будто время потекло густым медом — медленно, позволяя хорошо рассмотреть каждое движение сражающихся.

Вот, отражая удар, красноглазый машет дубинкой, отводя булатный клинок. Бил бы простой человек, рука витязя и не дрогнула бы, но... бил еретник — и сыпанувший искрами меч старшего уводит влево. Туда же, пусть и ненамного, тянет щит,

в правую грань которого уперлось предплечье Твердыты. В стене щитов возникает прорезь, и упырь даром времени не теряет. Его меч совершает змеинный бросок и тут же отлетает назад — острое сумело найти уязвимое место и, царапнув кольчужную бармицу, ударило Малобуда под скулу, пробив голову почти насквозь. Бездыханный ратник падает наземь.

Усмехаясь, упырь ловко отскакивает и, пританцовывая, смахивает с клинка капли горячей крови. Он играет с противниками, забавляется, как кот — с еще живой, но уже обреченной мышью.

— Ах ты тварюга! — рычит Ждан, кидаясь вперед, не слыша отчаянного крика старшего: «Стой!..»

Поздно. Еретник легко уворачивается от широкого молодецкого замаха, дожидается, пока клинок пройдет мимо, и бьет парня дубинкой по шлему. Оглушенный витязь кулем валится в траву, а красноглазый вступает в бой с Твердытой. Ну, Белобог, помоги!..

Чуда не происходит. Двумя ударами разделавшись со старшим, упырь склоняется над оглушенным Жданом. Резким движением перерезает последнему из троих витязей горло, не спеша вытирает лезвие меча о кафтан убитого и выпрямляется. В сторону знахаря он не смотрит, да и откуда ему знать про Вежина? Было трое ратников, теперь они мертвы, остается забрать этот самый должок и отправиться восвояси.

Несчастный знахарь вжался в палую листву. Ночь на поляне мертвецов будет страшной, но придет утро, вернутся хоть какие-то силы... к вечеру он будет на кумовой пасеке, передохнет и решит, как быть дальше.

Мысли путались и мешались с рвущимся из груди стоном, но Вежин лишь сильнее вжимался в лесную землю, не сводя взгляда с упыря. Спрятав в ножны меч и накинув плащ, тот деловито прошелся по поляне, быстро и ловко обыскал мертвецов, но ничего не взял, лишь покачал головой и исчез в избе. Что бы он ни искал, это была передышка, возможность отползти в лес, то есть в жизнь.

Больше Вежин ничего не мог... вернее мог, только это было безумием. Раз уж не стал рисковать, когда Твердыта и его парни были живы, сейчас и вовсе незачем. Деревенский знахарь упырю,

которого само солнце не берет, не соперник. Дашь себя прикончить — о случившемся никто не узнает, а красноглазый и дальше будет разъезжать по Руси и убивать. Справиться с подобной тварью по силам лишь Охотникам, значит, нужно выжить и дать знать в Китеж-град...

Это было правильно и разумно. Собственно, только это разумным и было, но рука Вежина будто по собственной воле скользнула под рубаху и вытащила Знак защиты души, а затем отцепила с пояса знахарский нож-иглу и полезла в сумку — нет, не за целебным зельем, за «полуденным» настоем. Сила надетого при принятии имени Знака, усиленная снадобьем собственная кровь и солнечный свет породят долгое живое пламя, в котором ты сожжешь себя и, если повезет, врага. Главное, успеть выпить настой и сплести заклятие, так что пусть вражина ищет свой должок подольше.

Вежин успел сделать все, что нужно. Дело оставалось лишь за не торопившимся выходить из избы упырем. Последнее в жизни ожидание оказалось мучительней всего, что выпало на долю знахаря в этот жуткий день, но дверь наконец распахнулась. Еретник нашел то, что искал, и это что-то оказалось огромной переплетенной в черную кожу книгой. Вежин слышал о таких: страшное колдовское оружие, средоточия черных знаний, они даруют своим обладателям великую силу. Даже самый завалающий колдун-злонрав, заполучив такую книгу, сравняется с опытными Охотниками, а проклятый упырь и вовсе станет непобедимым.

Допустить этого нельзя. Надо уничтожить и книгу и нечисть разом! Вежин в последний раз взглянул на солнце и теперь сосредоточился на заклятии, в которое вложил все свои невеликие силы. Ясно-алый, в цвет живой крови, луч ударил прямо в черную книгу, и та зашипела, словно живое омерзительное существо.

Не ждавший нападения еретник сперва промешкал, но замешательство его длилось недолго. Накрыв уже начавшую пылать книгу призрачным куполом с сетью лиловых прожилок, он одновременно протянул окутанную пурпурным сиянием руку в сторону кустов, за которыми скрывался знахарь. Алое пламя задохнулось, луч угас, а почти вычерпавшего себя, но все еще живого

Вежина выдернуло из кустов, проволокло по поляне и приложило затылком об угол избы. Это должно было стать концом, но не стало им.

Открыв глаза, скрючившийся от боли Вежин увидел перед собой полы черного плаща — еретник стоял рядом, с досадой разглядывая изрядно опаленную книгу.

— Не пойму, засельщина, — раздраженно произнес он. — То ли ты отважен без меры, то ли просто глуп. Прихлопнуть бы тебя... — Упырь наконец-то опустил взгляд, зловеще блеснули темно-красные глаза. — Да только пригодишься ты мне...

— Будь ты... проклят, нечисть, — выкашлял вместе с кровью Вежин, понимая, что через мгновение станет нечистью сам и ничто его от этой доли не спасет.

— Успокойся, — чуть заметно усмехнулся красноглазый. — В упыря я тебя обращать не буду, зачем? Нужна мне от тебя другая служба, так что слушай внимательно. Покойников закопай прямо здесь, возле избы. Мне их тащить несподручно, пришлю позже младших колдунов, они тела и заберут. А мерзкую сталь богатырскую схорони подальше, да так, чтоб никто и никогда не нашел... Ты сам откуда?

Вежин молчал, исподлобья глядя на еретника. Тот презрительно пожал плечами.

— Из Совёлого, верно? Ближайшее здесь село. Что ж, уясни одно — коли пожелаешь снова в храбреца поиграть, сожжешь тела или спрячешь, я всю твою деревню вырежу. И все деревни в округе заодно. А если исполнишь, что сказано, оставлю в покое — и тебя, и Совёлое твое. Мне в ваших местах делать нечего, получил я всё, что хотел, так что уйду с миром.

Упырь присел на корточки и уперся немигающим кровавым взглядом прямо в глаза знахаря.

— И великодушие мое не забывай, — прошипел он. — Я редко противников в живых оставляю. Считаю, что повезло тебе, поживешь еще... лапотник.

Ответных слов у Вежина не нашлось, но еретник ответа и не ждал. Поднявшись и накинув на голову капюшон, он дважды цокнул языком, подзывая коня. Всю схватку простоявший изва-

Битва за Лукоморье. Книга 1

янием вороной подошел к хозяину и послушно склонил голову, раздувая странно красные ноздри. Вежину осталось лишь угрюмо наблюдать, как упырь, спрятав в переметной суме проклятую книгу, легко запрыгивает в седло.

— Пойдем потихоньку, Чернь, — донеслось до знахаря.

По шкуре зверя забежали огоньки, несколько мгновений — и гривастая тварь словно бы растворилась в воздухе вместе со всадником. Развинулись и схлестнулись кусты, и над поляной повисла тишина, долгая и нестерпимая. Ее разорвал далекий и звонкий журавлиный клич, и будто в ответ раздался глухой стон знахаря. Оставшись один, Вежин наконец-то позволил себе зарыдать от бессилия и безысходности.

